

УДК 316.32
ББК 60.524
В 75

Г.А. Воробьев,

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой информационно-коммуникационных технологий, математики и информационной безопасности Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск, тел.: +7(8793)400-730, e-mail: vorobyev@pglu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭНТРОПИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства проявления социальной энтропии в контексте эволюционных и революционных изменений, тесно связанных с векторами и формами смыслового взаимодействия прошлого и настоящего в логике энтропийного роста и развертывания социальности. Показано, что экспансия социальной энтропии свидетельствует о дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразование информации в знание о прошлом в целях сохранения и трансляции значимого социокультурного опыта.

Ключевые слова: социальная энтропия, российская история, эволюционные и революционные изменения, социально-философская рефлексия, воспроизводство социальной реальности.

G.A. Vorobyev,

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Information and Communication Technologies, Mathematics and Information Security, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, ph.: +7(8793)400-730, e-mail: vorobyev@pglu.ru

REPRESENTATION OF SOCIAL ENTROPY IN THE RUSSIAN HISTORY IN THE CONTEXT OF EVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY CHANGES

Abstract. The paper discusses circumstances of manifestation of social entropy in the context of evolutionary and revolutionary changes, closely associated with vectors and forms of semantic interaction of the past and the present in logic of entropic growth and expansion of a sociality. Expansion of social entropy demonstrates disorganization of social memory as symbolical reconstruction of the past in the present and set of sociocultural practices, carrying out selection and transformation of information to knowledge of the past to preserve and translate a significant sociocultural experience.

Keywords: social entropy, Russian history, evolutionary and revolutionary changes, social and philosophical reflection, reproduction of social reality.

В социально-философской мысли практически устоялось мнение, что если понятие «тип социальной динамики» отражает траекторию, направление исторического движения на том или ином этапе (либо на нескольких, вместе взятых этапах), то в понятиях «эволюция» и «революция» отрефлексирован характер этих изменений. Эволюционное и революционное оказываются неразрывно связанными и взаимопереплетенными не только в историческом процессе в целом, но и в конкретных социально значимых явлениях [1; 273].

Эволюционные и революционные изменения – это всегда стремление к созданию нормального (условно эталонного) общества на основе его умозрительного конструирования. Недаром А. Ахиезер и Г. Гольц обращают внимание на то, что социальная энтропия, «неизбежная в любой клеточке общества», ведет к росту дезорганизации, увеличению числа ошибок в культурном воспроизводстве, разрушению социальных отношений, снижению эффективности и в целом ослаблению воспроизводственного процесса [2; 46].

С. Московичи говорил о контрасте между революционным или аномальным обществом и обществом нормальным, формирующимся, когда взрывные силы охладелись, а вызывавшие их к жизни инновации приобрели банальный характер. «Первое из них опознается по возбужденному состоянию членов общества и по проявляемой ими творческой энергии. Благодаря коллективному перевозбуждению происходит высвобождение исторической и духовной энергии, она меняет путь общества, который ранее предполагался столь же неизменным, сколь и траектория планеты. Выйдя из круга своих интересов и потребностей, индивиды участвуют в более облагороженной или более интенсивной жизни» [3; 279-280].

Люди издавна занимаются поиском, конструированием и пере-конструированием идей, доктрин, учений, которые могли бы служить основанием будущего, обязательно «справедливого» социального строя. Э. Гидденс, характеризуя циклы эволюционных и революционных изменений, обращает внимание на то, что в теории Чалмерса Джонсона необходимым условием революции является нарушение равновесия общества. В свою очередь, Джеймс Дэвис исходит из того, что постоянная бедность или обездоленность не делают людей революционерами. Революции происходят тогда, когда наблюдается некоторое улучшение условий жизни людей, но их растущие ожидания не оправдываются [4; 574-576].

Россия в XX веке, как и целый ряд стран так называемого транзита, пережила ряд революций (в не мирной и в мирной формах). Исследователь А.А. Погребняк акцентирует внимание на том, что в метафизике социального вопрос о революции имеет характер вопроса о возможности «взрыва» существующего порядка общественных отношений как единственного способа его «обновления». Проблема состоит в том, как возможно *верить* в революцию, если в самом ее понятии заключается противоречие (между содержанием цели - «порядок», пусть и радикально «новый» - и способом ее достижения - «взрыв») [5].

Обращается также внимание на проблему устойчивого развития в диалектике эволюционных и революционных изменений. Именно с проблемой устойчивости связана преимущественно тематика проявления социальной энтропии.

В.В. Василькова, исследуя в ракурсе социальной энтропии природу социального порядка и социального хаоса, выделяет несколько вопросов методологического характера, которые возникают при упрощенной трактовке понятия энтропии. Среди них, в частности, такие:

можно ли отождествлять утверждение социального порядка с энтропийными процессами? Можно ли считать однородность элементов социальной системы атрибутивным свойством порядка или же подобная однородность и гомогенность ведет к дезорганизации и хаосу? Или, может быть, структурное разнообразие является гарантом устойчивости и, следовательно, более сложного и «надежного» порядка [6].

Неопределенность и непредсказуемость исторического процесса, кажущийся хаос, значение случайности, мера отклонения от заданных траекторий – все это свидетельствует о глубокой актуальности и научной значимости тематики социальной энтропии применимо к историческому процессу [7].

Важной характеристикой проявления социальной энтропии становится актуализация исторического прошлого, когда смысл событий зависит от того, что не могло не сопровождаться их деформацией и, соответственно, не могло не лишать их жизнеспособности. «Россия переживает сегодня кризис своих исторических оснований, – полагает И.К. Пантин. – Закончился огромный исторический цикл догоняющего развития России. Громадной стране с богатой и противоречивой историей предстоит заново обрести свою идентичность» [8; 27]. Однако в отечественном интеллектуальном поле продолжают бесконечные споры о прошлом. Для одних это прошлое заслуживает только уважения, для других – подлежит проклятию и преодолению [9; 9].

Историческая наука и общественное мнение проникнуты идеями, связанными сетованиями в отношении нарастающей фальсификации истории.

По большому счету речь идет о вызовах, которые ставит перед историей и другими социальными науками наша эпоха. М. Ямпольский недаром обращает внимание на то, что усложнение социальной

ткани и возникновение множества групп, находящихся между собой в сложных отношениях, делают модель коллективной памяти более адекватной для современности, но при этом историческое описание систематически превращается в построение конкурентных моделей исторической и культурной памяти [10]. Отсюда – неопределенность и непредсказуемость образов истории.

Суждения о прошлом и выявление исторического смысла событий не могут быть полностью объективными и адекватными. Оценка прошлого всегда в историческом сознании складывается под воздействием функционирующих доминирующих идей, воззрений, предпочтений. В силу этого образ минувшего неизбежно воплощает в себе отражение конкретных интересов [11; 11-13].

В последнее время предметом внимания социально-гуманитарной мысли становятся «бифуркационные точки» истории, иначе говоря, те ее моменты, когда происходит выбор в ситуации нескольких альтернатив.

Семантика эволюционных и революционных изменений в проекции репрезентации социальной энтропии в российской истории тесно связана с векторами и формами смыслового взаимодействия прошлого и настоящего в контексте энтропийного роста и развертывания социальности.

Экспансия социальной энтропии свидетельствует также о дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразование информации в знание о прошлом в целях сохранения и трансляции значимого социокультурного опыта.

Выявление семантики эволюционных и революционных изменений в контексте репрезентации

социальной энтропии в российской истории показывает, что главное в рецепции прошлого, как и в осмыслении исторической реальности в качестве прошлого, – это смысл. Проблема социальной памяти о прошлом становится особенно актуальной в постсовременных обществах, находящихся в состоянии непрерывного усложнения, а следовательно – разрушения старых форм социальной жизни и динамичного потока креативных инноваций. При этом важно сохранить устойчивость общества.

Но в пространстве дезорганизованной социальной памяти смыслообразующие практики, деформируя воспроизводство исторического опыта, не могут способствовать упорядочению воспоминаний о минувшем и формированию адекватных образов исторического прошлого. При отсутствии прямого доступа к прошлой реальности в обществе конструируется как бы замещенный образ прошлого.

В «точках бифуркации» формируются различные векторы последующего развития. Тем самым возникают альтернативные исторические возможности, связанные с не осуществленной действительностью. Разветвление траекторий исторического развития накладывается на социокультурный разрыв между прошлым, настоящим и грядущим.

В результате государство под воздействием чужеродных для него инъекций со временем не столько усиливалось, сколько ослаблялось, а экономика так и не получала импульсов, достаточных для ее трансформации из экстенсивной в интенсивную. Это, в свою очередь, понуждало к продолжению имперской политики присоединения новых территорий

и после того, как «собрание земель» было завершено. Сегодня мы живем в эпоху затухания российской цикличности милитаризаций-демилитаризаций, что было наглядно явлено распадом в мирное время сверхдержавной военной империи. Это затухание плохо осознается, поскольку в продолжающуюся сегодня послесталинскую эпоху воспроизводится послепетровская цикличность реформ-контрреформ, «оттепелей»-«подмораживаний», характерная для демилитаризаторских циклов [12].

Циклы эволюционных и революционных изменений в проекции репрезентации социальной энтропии в российской истории тесно связаны с векторами и формами смыслового взаимодействия прошлого и настоящего в контексте энтропийного роста и развертывания социальности.

Выявление диалектики эволюционных и революционных изменений в контексте репрезентации социальной энтропии в российской истории показывает, что главное в рецепции прошлого, как и в осмыслении исторической реальности в качестве прошлого, – это смысл. Тем самым, если в понятии «тип социальной динамики» отражается траектория исторического развития, то понятия «революция» и «эволюция» выражают характер подобных изменений.

Таким образом, смыслообразующие практики, проявляющиеся в координатах дезорганизованной социальной памяти, неизбежно деформируют воспроизводство опыта истории и мало способствуют упорядочению и закреплению воспоминаний о минувшем, конструированию адекватных образов былого.

Примечания:

1. Крапивенский С.Э. Социальная философия: учеб. для гуманит.-соц. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 352 с.
2. Ахиезер А., Гольц Г. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 45-54.

3. Московичи С.М. Машина, творящая богов: пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
5. Погребняк А.А. К метафизике социального взрыва (краткий опыт о революции) // Революция и современность: сборник, посвящ. памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В.А. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 102-103.
6. Василькова В.В. Синергетика и теория социальной самоорганизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999.
7. Шевелев В.Н. Все могло быть иначе. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 349 с.
8. Пантин И.К. Драма российских реформ и революций // Империя и либералы (материалы международной конференции): сборник эссе. СПб., 2001. С. 27-75.
9. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008. 464 с.
10. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 51-74.
11. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2006. 288 с.
12. Клямкин И. Затухающая цикличность. URL: <http://www.liberal.ru/2012/11/07/>.

References:

1. Krapivensky S.E. Social Philosophy: Textbook for humanit. and soc. specialties of universities. 3rd ed., rev. and enl. – Volgograd: Press Committee, 1996. 352 pp.
2. Akhiezer A., Golts G. Critical threshold of social systems // Social sciences and the present. 1992. No. 1. P. 45-54.
3. Moscovici S.M. The machine creating gods / Transl. from Fr. – M.: Center for Psychology and Psychotherapy, 1998. – 560 pp.
4. Giddens E. Sociology – M.: Editorial URSS, 1999. – 704 pp.
5. Pogrebnyak A.A. On metaphysics of the social explosion (brief experience of the revolution) // Revolution and modernity. Collection, dedicated to the memory of Pochevko V.A., Associate Professor of Social Philosophy and Philosophy of History. SPb.: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2001. P. 102-103.
6. Vasilkova V.V. Synergetics and theory of social self-organization. Diss. abstract for the Doctor of Philosophy degree. – SPb., 1999.
7. Shevelev V. Things could be different. – Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 2009. – 349 pp.
8. Pantin I.K. Drama of the Russian reforms and revolutions // Empire and the Liberals (Proceedings of the International Conference). Collection of essays. SPb., 2001, P. 27-75.
9. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. History of Russia: the end or a new beginning? – 2nd ed., rev. and enl. M.: A New Publishing House, 2008. – 464 pp.
10. Yampolsky M. The present as a break. Notes on the history and memory // New Literary Review. 2007. No. 83. P. 51-74.
11. Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonov M.Yu. History of historical knowledge: A manual for higher schools. – 2nd ed., a stereotype – M.: Drofa, 2006. – 288 pp.
12. Klyamkin I. Fading cyclicity. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.liberal.ru/2012/11/07/>.